

Двор, шумевший и гомонивший целый день, наконец-то стих.

Цинь Сань-нян смотрела на двоих детей, один другого бледнее и слабее, и сердце её не могло не сжиматься от жалости, но стоило ей подумать, что Чжоу Сяолэ пришёл в ясный разум, как на душе становилось несказанно легко. Эти горькие дни наконец подошли к концу, и дальше всё непременно будет становиться только лучше.

Она привела в порядок волосы, растрёпанные недавней дракой, и с улыбкой сказала им обоим:

— Цин-цзэ, Лэ-гэр, вы ведь ещё больны, поскорее возвращайтесь в дом и отдыхайте. Сегодня вечером огонь разводить не нужно, через некоторое время я велю Ся-гэру принести вам еду. Ваши пакеты с лекарствами я тоже заберу с собой и сразу отварю; выпьете лекарство, хорошенько поспите, и завтра всё будет хорошо!

Ся-гэр был младшим сыном-гэром Цинь Сань-нян, Чжоу Чуся; поскольку он родился в день начала лета, то и получил такое имя. Ся-гэр был ровесником Чжоу Сяолэ, в обычные дни он водил Чжоу Сяолэ играть вместе с собой, и отношения у них были очень хорошими.

Чжоу Цинцин понимала добрые намерения Цинь Сань-нян и не стала отказываться. Когда Цинь Сань-нян ушла, они с Чжоу Сяолэ, поддерживая друг друга, вошли в дом.

Чжоу Сяолэ полдня держался лишь на одном дыхании; теперь голова снова кружилась, тело горело жаром, и он, не успев толком сказать Чжоу Цинцин и пары слов, лёг на кровать, а вскоре уже заснул. Чжоу Цинцин сидела у кровати, смотрела на уснувшего младшего брата и потрогала его лоб. Лекарь Чжоу, который раньше приходил осмотреть его, сказал, что повторяющийся жар - дело обычное; когда сегодня он выпьет лекарство, жар спадёт. Поэтому она не слишком тревожилась и только ждала, что после лекарства жар отступит, и всё наладится.

Раньше дел было слишком много, и то, что Чжоу Сяолэ восстановил разум, казалось ей нереальным. Теперь, сидя у кровати и глядя на младшего брата, она наконец почувствовала, как с души упал камень.

Человек, с детства бывший слабоумным, в один день пришёл в себя - как это могло не радовать её?

Она прошептала: «Небо уберегло», и едва не расплакалась.

Чжоу Цинцин сама была слаба и болезненна, а теперь тоже держалась уже очень долго; сидя у кровати и прислонившись к стене, она тоже заснула. Она хотела сторожить Чжоу Сяолэ. Пока Чжоу Сяолэ не проснётся и не заговорит с ней живо и бодро, она всё равно не сможет до конца успокоиться; хоть она и знала, что младший брат стал разумным, в сердце всё же оставалась тонкая тревога: вдруг он поспит, проснётся, и снова станет прежним.

Когда Чжоу Сяолэ проснулся, солнечный свет, падавший в дверь, уже стал жёлто-сумрачным. Этот сон дал Чжоу Сяолэ отдохнуть досыта. Лето было жарким, и, проснувшись, он обнаружил, что сильно вспотел; хотя тело всё ещё немного горело, в целом силы вернулись больше чем наполовину.

Очнувшись, он не спешил вставать, а лениво оглядел комнату. Дом был невелик, сбоку было навалено немало всякой всячины, не было ни стола, ни стула; кроме хлама, здесь находилась только кровать, на которой он сейчас лежал.

Он вздохнул и в душе уже примерно понял, каково положение семьи прежнего владельца тела.

Пока он думал об этом, снаружи донёсся какой-то звук. Он поднялся, открыл дверь и как раз увидел Чжоу Чуся, стоявшего рядом с Чжоу Цинцин с корзинкой в руке.

Чжоу Цинцин как раз расставляла блюда на деревянном столе со скамьями во дворе. Увидев, что Чжоу Сяолэ вышел как раз вовремя, она поспешно позвала его подойти поесть.

После полудня Чжоу Чуся уже услышал от матери, что Лэ-гэр восстановил разум; тогда он обрадовался, а теперь, увидев его собственными глазами, обрадовался ещё сильнее. Его изящное лицо было полно улыбки, а когда он смеялся, видно было пару маленьких клычков.

Он поспешно подбежал к Чжоу Сяолэ, голос у него от волнения стал звонче:

— Брат Лэ! Ты правда поправился? Ты, ты скорее скажи несколько слов! Когда матушка сказала, я даже не сразу понял; днём хотел прийти к тебе, но матушка сказала, что тебе надо отдыхать, и я не пришёл. А теперь увидел тебя, так радостно! Брат Лэ, ну скажи уже что-нибудь!

Чжоу Сяолэ смотрел на Чжоу Чуся, чей рот не умолкал ни на мгновение, и ему очень хотелось потрепать его по голове, но стоило вспомнить, что вместе с переносом он ещё и помолодел, а теперь был одного возраста с Чжоу Чуся, как делать такой жест стало неудобно.

Чжоу Сяолэ принял у него из рук корзинку и на ходу сказал:

— Что брат Ся хочет услышать? Может, прочитать тебе пару строк стихов?

Чжоу Чуся не понял, что Чжоу Сяолэ его поддразнивает, и, услышав про стихи, широко раскрыл абрикосовые глаза.

— Ты-ты-ты... у тебя голова прояснилась, так ты ещё и стихи читать научился? Вода там такая чудесная?

— Будь вода и правда такой чудесной, разве мы с тобой в детстве столько раз ходили играть у воды и до сих пор не сдали бы уже на чжуаньюаня? — Чжоу Сяолэ рассмеялся и в душе подумал, что этот мальчишка довольно забавный. — Раньше я был только слабоумным, а не потерявшим память. Теперь разум восстановился, прежние дела я тоже помню. В детстве отец часто читал и писал для нас с сестрой; разве трудно прочитать пару строк стихов?

Эти слова не были полной выдумкой. Отец прежнего владельца тела был немного образованным человеком, в ранние годы даже служил счетоводом в частной школе. Жаль только, что он рано умер; иначе с его способностями он без труда прокормил бы и слабоумного сына, и болезненную дочь.

Услышав эти слова, глаза Чжоу Цинцин покраснели - она явно вспомнила те дни, когда отец с матерью ещё были рядом. Но сейчас был радостный миг, и разве хорошо было бы ронять слёзы?

Она опустила голову, подвинула стул, быстро вытерла глаза, а потом подняла лицо и мягко улыбнулась:

— Скорее идите есть!

Чжоу Чуся быстро уселся. Он знал, что пойдёт относить еду сестре и брату Чжоу Сяолэ, поэтому дома есть не стал: всё думал, что сможет поесть вместе с ними.

Кулинарное умение Цинь Сань-нян было неплохим. Возможно, чтобы отпраздновать выздоровление Чжоу Сяолэ, она испекла большие лепёшки - по одной на каждого, чтобы наесться досыта; даже с соленьями есть их было очень вкусно.

На столе среди еды было ещё одно мясное блюдо. Хотя мяса в нём было немного и оно было обжарено вместе с овощами в одной тарелке, в деревне ведь редко увидишь хоть что-то мясное; таким блюдом и гостей принять было бы не стыдно, настоящая важная еда. По этому было видно, насколько сильно радовалась в душе Цинь Сань-нян.

Чжоу Сяолэ давно уже проголодался. Он схватил лепёшку, зачерпнул ложку солёных овощей, положил внутрь, откусил большой кусок - аромат был невероятный, и желудок наконец получил удовлетворение. Он ел и одновременно перебирал воспоминания, понимая, что такие лепёшки с солёными овощами ели только во время полевых работ. В обычные дни чаще всего пили жидкую водянистую кашу, закусывали соленьями, лишь бы кое-как набить живот.

Живя в деревне, если у тебя нет умения читать, писать и вести торговлю, остаётся только держаться за поля и проживать дни. Если усердно пахать, а Небо даст пропитание и урожай будет неплохим, ещё можно что-то отложить; но стоит хоть одной стороне не сложиться, и случаи, когда люди умирают от голода, вовсе не редкость.

Только что Чжоу Сяолэ бегло осмотрел дом: одна главная комната, три спальни, одна кладовая,

а ещё сбоку кухни. Ели чаще всего во дворе, только в дождь переходили в главную комнату. Дом был сложен из больших жёлтых глиняных кирпичей, очень крепкий и не протекал. Единственным недостатком было то, что света почти не хватало: даже если открыть дверь, луч освещал лишь тот участок, куда падал, а остальные углы по-прежнему оставались до крайности тёмными.

Но даже так такой дом в деревне считался одним из лучших. Неудивительно, что семья старшего дяди всеми способами старалась выдать Чжоу Сяолэ и его сестру замуж: метили они не только на поля; этот немаленький дом, пожалуй, тоже уже считали своим.

Дом-то был хорош, но живому человеку всё равно нужны три приёма пищи в день... нет, сейчас ведь не сезон полевых работ, значит, только два. Похоже, дело с заработком денег стало неотложным.

— Так брат Лэ собирается выйти за Сюй Гуаня?

Чжоу Сяолэ как раз размышлял, когда сидевший рядом Чжоу Чуся с силой упёрся ногами, так что две левые ножки стула оторвались от земли, и он всем телом наклонился к Чжоу Сяолэ, показывая лицо, полное желания посплетничать.

— Не хочу выходить.

Уголок рта Чжоу Сяолэ дёрнулся. Стоило ему подумать об этом, и показалось, будто дневной сон прошёл впустую: голова снова заболела. Перенёсся - ну и перенёсся, но почему его занесло ещё и в эпоху, совсем не похожую на прежнюю?

В эту поганую эпоху, кроме мужчин и женщин, оказывается, существовала ещё одна категория - гэр.

Гэр был похож на мужчину; если и было отличие, то в том, что на мочке уха у гэра имелась заметная выпуклая красная родинка, по которой и распознавали его личность. Гэры могли рожать детей, силой уступали мужчинам, внешностью обычно были мягче мужчин; конечно, они также могли сделать женщину беременной, только это было довольно трудно, поэтому большинство гэров всё же выбирали выходить замуж.

А он, Чжоу Сяолэ, как раз и перенёсся в тело гэра: значит, должен выходить замуж, а возможно, ещё и рожать ребёнка.

Он протяжно вздохнул.

— Даже если ты не хочешь выходить, сейчас снаружи такие гадкие слухи ходят. Не выйдешь теперь, может, потом уже и вовсе не выдадут, — сказал Чжоу Чуся и ещё вполне убедительно вздохнул, так что очень хотелось стукнуть его.

— ...

Чжоу Сяолэ на миг лишился дара речи. Он протянул руку, толкнул Чжоу Чуся обратно на место, а затем осторожно и быстро покосился на Чжоу Цинцин и пробно сказал:

— А если в будущем вообще не выходить замуж, жить самому...

— Что за ерунду говоришь! - едва Чжоу Цинцин это услышала, она тут же ударила Чжоу Сяолэ ладонью по руке.

— Раньше ты был несмышлёным, и старшая сестра думала, что мы двое будем держаться друг за друга и так проживём. Но теперь ты восстановился; значит, надо как следует найти хорошего человека и жить счастливой жизнью. Никогда больше не говори таких унылых слов.

Услышав это, Чжоу Сяолэ вздохнул ещё длиннее. Даже перерождение не могло сделать всё таким, как хочется.

Вопрос с Сюй Гуанем они так и не обсудили до результата, но Чжоу Сяолэ не принимал это близко к сердцу. Он ведь был человеком не из этой эпохи и к этим слухам и пересудам относился не слишком серьёзно; только боялся, что люди, заботящиеся о нём, станут тревожиться, поэтому всё же нужно было придумать надёжный план. Плевки слюны не страшны, но ведь не вынесешь, если каждый день кто-то будет брызгать ими тебе прямо в лицо.

После ужина Чжоу Чуся собрал вымытую посуду, проследил, чтобы Чжоу Сяолэ выпил лекарство, взял корзинку и отправился домой. Если бы он задержался ещё, небо совсем стемнело бы, а маленькому гэру всё-таки небезопасно одному ходить ночью.

В деревне по вечерам тоже не было никаких развлечений; к тому же брат и сестра оба ещё болели, поэтому они просто рано прибрались и легли спать.

На второй день, едва небо начало светлеть, Чжоу Цинцин уже поднялась и принялась хлопотать. Сейчас не нужно было выходить в поле работать, поэтому завтракали поздно, а с утра дел, которые можно было сделать, было немного: покормить двух несушек на заднем дворе и заодно собрать отложенные яйца. Когда яиц накапливалось достаточно, их можно было продать по одному вэню за штуку. Денег выходило немного, но источников заработка в доме было слишком мало, поэтому яйца в основном копили именно на продажу.

Чжоу Цинцин только что подмела половину двора и остановилась, чтобы перевести дух; оставшуюся половину она собиралась домести в полдень. Она опиралась на метлу и рукавом вытирала пот, когда увидела, как Чжоу Сяолэ выходит из комнаты. Улыбнувшись, она сказала ему:

— Сяолэ, доброе утро. Почему не отдохнул ещё немного? Не хлопочи, скорее возвращайся в

комнату и полежи; когда старшая сестра приготовит завтрак, я тебя позову.

— Старшая сестра, это тебе как раз надо хорошенько отдыхать. Посмотри, у тебя весь лоб в поту.

Чжоу Сяолэ вытащил метлу из рук Чжоу Цинцин, помог ей дойти до стоявшего рядом стула и сесть, затем повернулся, вернулся в дом, взял полотенце и подал ей.

— Вчера вечером я выпил лекарство, жар уже спал; сегодня утром проснулся и чувствую, что почти совсем поправился. Старшая сестра, не волнуйся. Завтрак сейчас приготовлю я, а ты просто жди и ешь!

Брови Чжоу Цинцин мягко изогнулись, улыбка была нежной.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Старшая сестра посидит здесь и подождёт, чтобы съесть завтрак, приготовленный Сяолэ.

Чжоу Сяолэ остался доволен, закатал рукава и вошёл на кухню. В прошлой жизни его лапшичная процветала так бурно - разве приготовить какой-то завтрак не будет делом, которое и рукой подать?

Кухня была невелика, большую часть места занимал очаг, а в углу редкой кучкой лежали дрова. Он примерно осмотрел, что есть на кухне: кроме необходимых приправ, нашлось только несколько яиц, рис и немного вчерашних солёных овощей.

Дело с заработком денег было не просто неотложным - огонь уже подбирался к бровям. А как именно зарабатывать, Чжоу Сяолэ ещё вчера ночью уже обдумал. Конечно же, снова взяться за старое ремесло!

Но даже искусная хозяйка не сварит кашу без риса. Продуктов было немного, и Чжоу Сяолэ развёл огонь, сварил немного жидкой рисовой каши; яиц было всего четыре, так что, когда каша была почти готова, он разбил в неё два яйца, а ещё два сварил в воде пашотом. Помешал - и можно снимать с огня!

Две чашки каши он вынес наружу, затем подогрел вчерашние солёные овощи, вымыл две пары палочек, и можно было есть.□□

Чжоу Цинцин, увидев яйца в миске, немного пожалела их. Она ведь и дел-то много не сделала - как жаль было есть эти яйца!

Но потом она подумала: ведь это первый завтрак, который младший брат приготовил ей после того, как восстановил разум. Ладно, ладно. Как можно не принять добрые намерения младшего брата?

— Этот завтрак правда очень вкусный. Целое яйцо, сваренное прямо в каше, - впервые такое ем.

Чжоу Сяолэ, видя, как у старшей сестры приподнялись брови и улыбнулись глаза, обрадовался в душе и довольно хмыкнул пару раз:

— Старшая сестра, не смотри на меня свысока. Впредь кухонные дела смело оставляй мне, и я гарантирую, что каждый день старшая сестра сможет есть такую вкусную еду!

— Хорошо, хорошо, — глядя на чуть озорные движения Чжоу Сяолэ, она улыбнулась, а потом вдруг подумала о другом. — Только где ты научился так готовить? Я впервые ем такую яичную кашу.

Где он ещё мог научиться? Разве не в прошлой жизни, когда был учеником, дел было столько, что он уставал и не имел времени готовить, вот и наспех сам выдумал?

Только сказать этого было нельзя, и Чжоу Сяолэ оставалось лишь на ходу сочинить:

— Раньше, когда выходил в поле, видел, что кто-то приносил с собой такой завтрак. Сейчас на кухне увидел яйца и рис, вот и вспомнил. Способ не такой уж сложный, раз увидишь - и уже умеешь.

Чжоу Цинцин, выслушав, поверила без малейшего сомнения, но это как раз напомнило кое о чём самому Чжоу Сяолэ. Прежний владелец тела раньше был слабоумным и на кухне работал немного. Если он вдруг станет готовить рисовую лапшу на продажу, это неизбежно вызовет подозрения старшей сестры. Простую яичную кашу ещё можно было как-то объяснить, но такое сложное дело, как делать лапшу, объяснить будет непросто - надо придумать способ.

После еды он всё убрал. У Чжоу Цинцин сил было мало, и она вернулась в комнату отдыхать. Чжоу Сяолэ взял метлу, домёл наполовину подметённый двор, обдумал один способ, несколько раз прокрутил его в голове и тут же почувствовал, что, пожалуй, у него всё-таки есть некоторый талант.□

<http://bllate.org/book/17639/1645473>